

Н.П. Анциферов: портрет на фоне эпохи

© А.С. Божич

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Показано профессиональное становление видного отечественного музееведа, историка, культуролога Николая Павловича Анциферова (1889–1958) — одного из основоположников отечественной урбанистики. Жизненный путь Н.П. Анциферова рассмотрен на фоне социально-политических катаклизмов начала и середины XX в., которые во многом повлияли на формирование его мировоззрения. Особое внимание обращено на процесс оформления исторических взглядов Н.П. Анциферова в контексте краеведческих исследований 1920-х годов и его первых работ, посвященных Петербургу.

Ключевые слова: культура, революция, Петербургский университет, Эрмитажный кружок, музеи, краеведение

Имя Николая Павловича Анциферова — историка, музееведа, культуролога, человека, стоявшего у истоков отечественной урбанистики, сегодня не слишком известно, хотя нельзя сказать, что оно забыто потомками. В последнее время любая публикация о Н.П. Анциферове обязательно содержит знаменитое определение, данное ему академиком Д.С. Лихачевым, — «последний русский интеллигент». Со временем оно стало штампом и утратило свою трагическую суть.

Николай Павлович Анциферов родился 30 июля (11 августа) 1889 г. в семье действительного статского советника П.Г. Анциферова, занимавшего в последние годы жизни должности управляющего имением Софиевка под Уманью, а затем директора Никитского ботанического сада в Крыму.

В мемуарах «Из дум о былом» Анциферов написал, что ему было всего 7 лет, когда он принял решение стать историком. Перед поступлением в университет у него появилось новое увлечение — философия, но в итоге предпочтение было отдано истории. Интерес к истории в детские годы был ознаменован любовью к Элладе, опосредованной воспоминаниями о южнокрымских берегах. Анциферов в мемуарах признавался: «Никитский сад был ядром моей жизни. Все, что пришло потом, наслаивалось на это ядро, было его разрастанием» [1, с. 30]. Погружение в греческую мифологию, в «Илиаду» и «Одиссею» сменилось затем играми в рыцарей и любовью к средневековью. Текущие события также вторгались в отроческое сознание. Анциферов пишет в своих мемуарах об англо-бурской войне: «Сесиль Родс, Китченер, Чемберлен были нам ненавистны. Президент

Крюгер и генерал Бота — вот наши герои. Трансвааль, Трансвааль, страна моя!» [1, с. 58]. Волнения в Китае, слухи о появлении в Тауэре тени умершей английской королевы Виктории, разговоры маминых знакомых о приближающемся конце света — все это будоражило фантазию, подстегивало интерес к прошлому. В мемуарах он признавался: «И мой мир и мой дом — с ужасом понял я — подвластны каким-то жестоким и неотвратимым законам. Все, казавшееся мне созданным благим Отцом на века, не было вечным, все было под властью времени» [1, с. 70].

Читая тексты, написанные Анциферовым, обращаешь внимание на символизм, присущий его мироощущению. В мемуарах он особо выделяет киевский период своей жизни, связанный с обучением в знаменитой Первой киевской гимназии, в которую он поступил осенью 1904 г. (сразу в пятый класс). В то время в ней проходили обучение будущие писатели К.Г. Паустовский и М.А. Булгаков, сын известного философа князя Е.Н. Трубецкого Сергей, чуть позже учился А.Н. Вертинский. Годы обучения в гимназии совпали с событиями Первой русской революции. Демонстрации, восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический», манифест 17 октября 1905 г. и бурная реакция на него киевлян, знаменитый киевский погром — все это накладывалось на сознание Николая Павловича, требовало логических умозаключений. Кроме того, Анциферов был единственным сыном, его участие в гимназических сходках крайне нервировало его мать: «С мамой делались ужасные припадки, от которых она задыхалась и синела, — пишет Анциферов. — Врачи говорили мне: если я не изменю своего образа жизни, я погублю свою мать... Я сам так изнервничался, что заболел острым нервным расстройством. Те же врачи потребовали взять меня из гимназии и назначили курс водолечения и впрыскивания мышьяка. Так я выбыл из гимназии. Но связи с ней не порывал...» [1, с. 105].

Если исходить из текста мемуаров, то вырисовывается противоречивый портрет: с одной стороны, экзальтированный экстраверт, нервно реагирующий на происходящие события, с другой — замкнутый в себе интроверт, живущий в своем замкнутом мире. Рано или поздно одна из сущностей должна была одолеть другую. В мемуарах Анциферов честно признается: «Недолгое пребывание в гимназии показало мне, насколько я был изолирован в особом, созданном мною мире. Мой пессимизм принимал сознательный характер. Я не любил современности, она казалась мне враждебной» [1, с. 86].

Следует заметить, что для Анциферова характерен не просто отстраненный взгляд на современность, но и определенный символизм понятий: «Социализм — каким солнечным казалось это слово! Само сочетание звуков сулило что-то светлое для русского слуха. Солнце,

месяц, звезды, зарница, заря, свет, сиянье, сверканье, золото, серебро — все эти образы связаны со звуками: з, с, ц» [1, с. 98]. Данный текст демонстрирует, что для Николая Павловича, как и для многих других интеллигентов начала XX в., социализм был скорее абстрактным понятием, своего рода антитезой миру чиновничьего произвола и социальных контрастов капитализма.

Успешно сдав экстерном экзамены за гимназический курс в знаменитой Введенской гимназии в Петербурге, в 1909 г. Анциферов поступает в университет на историко-филологический факультет. Это был, наверное, самый блестящий период в истории Петербургского университета. Здесь собрались люди, сделавшие огромный вклад в развитие гуманитарного знания XX в. Историки С.Ф. Платонов, Ф.Ф. Зелинский, М.И. Ростовцев, Н.И. Кареев, И.М. Гревс, Э.Д. Гримм, египтолог Б.А. Тураев, профессора Н.О. Лосский, М.М. Ковалевский, Л.М. Карсавин — сегодня эти имена символизируют собой свободу духа и свободу познания. Следует отметить, что Анциферов приобщился к студенческому братству во время подъема студенческого движения 1909–1911 гг. Студенты Петербургского университета остро реагировали на все, что происходило тогда в России и мире: казнь испанского анархиста Ф. Феррера, смерть председателя Первой Государственной думы проф. С.А. Муромцева, наконец, смерть Льва Толстого — на каждое такое событие студенчество откликалось сходками, митингами, принятием резолюций. Анциферов находился в гуще студенческой жизни, внимательно наблюдая за происходящим. Сам он не присоединился ни к одной из партийных групп, но его симпатии были явно на стороне левых. Главным для Николая Павловича оставалась учеба, а свое участие в общественной жизни он с течением времени соединил с культурным просветительством. Большую роль в жизни Анциферова сыграл Эрмитажный кружок, к которому он присоединился еще в конце 1910 г. Николай Павлович мечтал о просветительской деятельности среди рабочих. Но кружок начал взаимодействовать не с рабочими, а с учителями. Вот как это описывает сам Анциферов: «В конце 1913 г. в Петербурге состоялся Всероссийский съезд учителей. О наших занятиях, конечно, знало руководство Эрмитажа. Президиум съезда обратился в музей с просьбой обслужить учителей экскурсиями. Эрмитаж тогда не обладал кадрами руководителей. Вот почему наш Эрмитажный кружок получил столь заманчивое для нас предложение обслужить экскурсиями съезд... С каким мучительным волнением мы приступили к работе. У меня было чувство воина, принявшего участие в генеральном сражении. Учителя, среди которых было много пожилых, смотрели с удивлением на нас, юношей и девушек (у некоторых из нас был к тому же очень молодежавый вид). Но мы сумели быстро овладеть нашими группами и рассеять естественное недоверие...» [1, с. 204].

В дальнейшем, когда началась Первая мировая война, Эрмитажному кружку пришлось взаимодействовать не столько с рабочими, сколько с солдатами. Следует отметить, что преподавать высшее знание людям, только недавно освоившим букварь, — дело непростое, и Анциферов проявил себя на этом поприще в самом лучшем качестве.

Особое место в формировании мировоззрения Николая Павловича занимают его заграничные поездки. Первый раз он выезжал во Францию вместе с матерью на лечение еще осенью 1906 г. Особых впечатлений, кроме посещения могилы А.И. Герцена, карнавала в Ницце и бесед с бывшим коммунаром Турским, эта поездка не оставила.

Вторая заграничная поездка (в Норвегию) состоялась еще до поступления в университет — весной 1908 г., вместе с близкими знакомыми семьи Н.П. Белокопытовыми и другом детства Г. Фортунатовым. Анциферов пишет в своих мемуарах, что в одном из постоянных дворов в Орхейме, при регистрации в гостевой книге, он наткнулся на такую запись: «Фамилия: Гогенцоллерн. Имя: Вильгельм. Профессия — император Германии. Откуда — из Потсдама» [1, с. 225]. Германский император, как выяснилось позже, очень любил пустынные ущелья Норвегии.

Летом 1910 г. последовала поездка в Швейцарию и Италию, встреча с римскими древностями, Флоренция со знаменитым храмом Санта-Мария-дель-Фиоре. Конец зимы и начало весны 1911 г. Анциферов провел в Париже. До этого в его представлении Париж был городом декаданса, он воспринимал историю Парижа через призму четырех революций. Но посещение собора Notre Dame, храма Сен-Севрен, музея Клюни, Пантеона, экскурсии в Лувр, Фонтенбло, Версаль неимоверно расширили историческое пространство в его сознании. Кроме того, в Париже он познакомился со знаменитой представительницей организации «Народная воля» Верой Николаевной Фигнер, оказавшей огромное влияние на духовное развитие Николая Павловича.

Еще одно путешествие в Италию Анциферов совершил в мае — июле 1912 г. вместе с семинарием И.М. Гревса, любимого профессора, которого он называл *padre*. И, наконец, последнее посещение Италии было частью свадебного путешествия в марте — июле 1914 г. (в феврале 1914 г. Анциферов женился на Т.Н. Оберучевой). Когда они с женой находились в Венеции, Николай Павлович услышал весть об убийстве эрцгерцога Франца Фердинанда.

Затем была война — и революция. Осенью 1915 г. Анциферов окончил университет и готовился к получению профессорского звания на кафедре всеобщей истории. Одновременно он начинает преподавать в частной женской гимназии Н.Н. Яворской и реальном училище А.С. Черняева.

Анциферов восторженно встретил февральскую революцию 1917 г. В его мемуарах события этого года почти не отражены, но известно, что Николай Павлович начинает работу в отделе «Rossica» Императорской Публичной библиотеки. В этом же году из печати выходит его «История XIX века» — сжатый очерк (конспект) курса, прочитанного в «Матросском университете» Союза солдат-республиканцев. История XIX века показана в очерке через призму европейских революций, национальных движений, восстаний и войн, а сами революции — как составной элемент поступательного общественно-политического прогресса. Это противоречило взглядам его учителя И.М. Гревса, но было бы удивительно, если бы в 1917 г. вышла книга, утверждавшая обратное.

Как воспринял Николай Павлович октябрьский переворот? В мемуарах он свидетельствовал: «Конечно, и мы, рядовые интеллигенты, не могли разобраться в смысле происшедшего. Все чувствовали себя растерянными, одинокими, тянулись друг к другу» [1, с. 323]. Далее последовали годы гражданской войны, которые принесли много горя молодой семье Анциферовых. В июле 1919 г. один за другим ушли из жизни дети Анциферовых — первенец Павлинька и дочь Таточка. Чудом поборол болезнь сам Николай Павлович. В эти годы он работал буквально на износ — преподавал в Тенишевском училище, во втором педагогическом институте им. Н.А. Некрасова, работал в детской колонии в Красной Славянке. Одновременно за мизерный паек он трудился в Отделе музеев Петроградского управления научных и научно-художественных учреждений.

В месяцы ожесточенной борьбы между белыми и красными, осенью 1919 г., когда решалась будущая судьба России, Анциферов приступает к написанию одной из самых известных своих работ — эссе «Душа Петербурга». В этой книге Николай Павлович очень часто использует определение «трагический»: «Перед нами город, возникший в эпоху зарождающегося империализма, в эпоху, когда мощный народ разрывает традиционные путы замкнутого национального бытия и выходит на всемирно-историческую арену, мощно влекомый волею к жизни, волею к власти. *Оторванность* этой новой столицы от истоков национального бытия, о чем свидетельствует и природа, столь отличающаяся от природы Русской земли, и чуждое племя, ютящееся в окрестностях города, — все это говорит о *трагическом развитии народа*, заключенного судьбой в пределы, далекие от вольного моря-океана, народа, который должен либо навозом для удобрения культур своих счастливых соседей, либо быть победить, встав на путь *завоевательной политики*» [2, с. 27]. И далее следует вывод: «Петербург — город *трагического империализма*» [2, с. 27].

В 1921 г. окончилась гражданская война и произошли перемены в личной жизни Николая Павловича. В марте родился сын Сергей,

опубликованы первые статьи о литературных экскурсиях, летом начинается работа в экскурсионном семинарии в Павловске. В августе Анциферов принимает участие в похоронах А.А. Блока. Важным моментом в жизни Николая Павловича стало начало работы в Петроградском экскурсионном институте.

С 1918 г. Анциферов принимал участие в левом религиозном движении: печатался в журнале «Свободные голоса», посещал заседания кружка А.А. Мейера (впоследствии получившего название «Воскресение»). По сути, никакой политической подоплеки в деятельности этого кружка не было — он являлся неформальным объединением людей, смыслом жизни которых была свобода духа.

В мемуарах Анциферов признавался, что с 1921 г. все реже и реже посещал кружок А.А. Мейера, все более активно занимаясь экскурсионной работой и краеведением. После закрытия Петроградского экскурсионного института Николай Павлович становится научным сотрудником Центрального бюро краеведения, пишет ставшую знаменитой работу «Пути изучения города как социального организма». Без преувеличения можно сказать, что Анциферов стоял у истоков отечественной урбанистики. Город в этой работе представлен как целостная система социальных связей, работающая на удовлетворение человеческих потребностей. Особое внимание Николай Павлович уделял городскому пейзажу: «Что ценят в городском пейзаже? Лишь то, что роднит его с природой: обилие воды, разнообразие зелени, широкие горизонты, холмистую поверхность. Это — то, что дает городу право называться “живописным”. Из зданий любят те, в которых сохранилась красочность, легкость, движение ввысь. В типичном городском пейзаже наших дней отмечается с осуждением прежде всего тяжесть и бесцветность форм, сдавленность масс» [3, с. 15]. И далее Анциферов пишет уже с откровенной тревогой: «Город — создание человека — превращается в его поработителя. Творец не может совладать со своим созданием, но дух его ведет упорную борьбу с ним. Город становится все более обособленным от человека организмом. Мощно растущим и определяющим судьбу культуры. Он превращается в самодовлеющее целое, над которым человеческое общество теряет свою власть» [3, с. 16]. Сегодня эти мысли кажутся более чем актуальными.

Противоречивость социально-политических процессов 1920-х годов отразилась на личной жизни Анциферов. В 1925 г. произошел первый кратковременный арест, но затем последовало быстрое освобождение по пересмотру дела. Летом того же года Николай Павлович уже путешествует вместе со своим учителем И.М. Гревсом по городам Приволжья. В сентябре 1927 г. он принимает участие в съезде археологов в Херсонесе и, воспользовавшись случаем, вновь посещает

Никитский ботанический сад. Летом 1928 г. совершает очередное путешествие вместе с И.М. Гревсом по городам центральной России.

В апреле 1929 г. Анциферов был арестован по делу «Воскресения» (глава этого кружка А.А. Мейер был задержан еще в декабре 1928 г.) и, после четырех месяцев пребывания в Доме предварительного заключения (ДПЗ), приговорен к трем годам заключения в Соловецком лагере особого назначения. В период нахождения в ДПЗ Николай Павлович потерял жену — она умерла от туберкулеза. Пребывание в лагере было прервано летом 1930 г. — Анциферов был возвращен в Ленинградский ДПЗ для следствия по «делу Академии наук». Анциферов впоследствии вспоминал, что на первом же допросе следователь дал ему ознакомиться с показаниями академика Тарле и заявил, что органами Объединенного государственного политического управления раскрыта мощная контрреволюционная организация, действующая под прикрытием Центрального бюро краеведения. На втором допросе следователь уже представил протокол одного из заседаний этой организации, в котором была зафиксирована речь самого Анциферова, якобы призывавшего краеведов брать власть в свои руки. Николай Павлович возмутился: «“Не мог же я предлагать такую нелепость. Краеведы обычно люди пожилые, совершенно непрактичные, разве они способны справиться с анархией?!” — “Значит, этот протокол вас не убеждает?” — “Вам лучше известно происхождение подобного протокола!”» [1, с. 352].

После скоротечного следствия по этому делу срок заключения Анциферова был увеличен до 5 лет, но уже осенью 1933 г. он был досрочно освобожден из Белбалтлага по зачетам и вернулся в Ленинград. Сразу же после освобождения он приступает к работе над книгами о А.И. Герцене и устраивается в Коммунальный музей Москвы. В 1934 г., после переезда в Москву, он женится на С.А. Гарелиной. Но осень 1937 г. приносит новый арест и двухгодичное пребывание в заключении: Бутырская и Таганская тюрьмы, этап на Дальний Восток, лагерное заключение. В конце 1939 г. Анциферов был освобожден по пересмотру дела и возвращен в Москву. Больше его не арестовывали. Начинается работа в Государственном литературном музее, которая длилась до выхода на пенсию в 1956 г.

Однако Анциферову пришлось пережить еще не одну личную трагедию — смерть сына Светика в 1942 г. в блокадном Ленинграде, потерю дочери (она была угнана немцами из Детского Села и в СССР не вернулась). Сам Николай Павлович в 1942–1943 гг. выступал в воинских частях с лекциями по истории.

В 1944 г. он защитил в Институте мировой литературы кандидатскую диссертацию «Проблема урбанизма в художественной литературе» и до 1949 г. возглавлял отдел литературы XIX в. Государствен-

ного литературного музея, принимал активное участие в разборе и изучении герценовских материалов из «Пражской коллекции».

В 1956 г. Анциферов вышел на пенсию, а 2 сентября 1958 г. умер в собственной квартире, которую получил незадолго до того.

Анциферов принадлежал к поколению, которое в СССР 1920–1930-х годов определялось словом «бывшие». Эта была та часть российской интеллигенции, которая по самым разным причинам не стала эмигрировать, а осталась в новой России, возродившейся в форме СССР. Интеллигенты сыграли роль связующего звена между культурой XIX в. и той потребностью в культуре, которая возникла как результат «культурной революции» 1930-х годов, они не позволили разорвать духовную просвещенческую традицию дореволюционной русской интеллигенции. Эти интеллигенты, многие из которых канули в небытие в результате репрессий, сумели передать поколению 1930-х годов определенную сумму поведенческих и нравственных норм, некий императив высокой культуры. Достойное место в данном ряду занимает Н.П. Анциферов. Вся его жизнь была посвящена самоотверженному служению Культуре, без которой новой советской интеллигенции вряд ли бы удалось вывести СССР на достойный индустриальный и технологический уровень. Конечно, он мог сделать больше, если бы судьба была к нему более благосклонна. Но он не озлобился, не потерял веру в людей, оставшись верным тем идеалам, которые воспринял в далекие гимназические и студенческие годы.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Анциферов Н.П. *Из дум о былом*. Москва, Феникс, 1992, 512 с.
- [2] Анциферов Н.П. *Душа Петербурга*. Петроград, Брокгауз-Эфрон, 1922, 126 с.
- [3] Анциферов Н.П. *Пути изучения города как социального организма: Опыт комплексного подхода*. Ленинград, Сеятель, 1925, 126 с.

Статья поступила в редакцию 21.07.2022

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Божич А.С. Н.П. Анциферов: портрет на фоне эпохи. *Гуманитарный вестник*, 2022, вып. 4. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2022-4-794>

Божич Анатолий Станиславович — канд. истор. наук, доцент кафедры «История» МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: logvin-10@mail.ru

N.P. Antsiferov: a portrait against the background of the epoch

© A.S. Bozhich

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

The paper focuses on the professional growth of a prominent Russian museologist, historian, culturologist Nikolay Pavlovich Antsiferov (1889–1958), one of the founders of the Russian urban studies, and describes his life path against the background of the socio-political cataclysms of the early and mid-twentieth century, which largely influenced his worldview. Particular attention is paid to the development of his historical views in the context of local history studies of the 1920s and his first works devoted to St. Petersburg.

Keywords: culture, revolution, St. Petersburg University, Hermitage studio, museums, local history

REFERENCES

- [1] Antsiferov N.P. *Iz dum o bylom* [From thoughts about the past]. Moscow, Feniks Publ., 1992, 512 p.
- [2] Antsiferov N.P. *Dusha Peterburga* [The Soul of Petersburg]. Petrograd, Brokgauz-Efron Publ., 1922, 126 p.
- [3] Antsiferov N.P. *Puti izucheniya goroda kak sotsialnogo organizma: Opyt kompleksnogo podkhoda* [Ways of studying the city as a social organism: Experience of an integrated approach]. Leningrad, Seyatel Publ., 1925, 126 p.

Bozhich A.S., Cand. Sc. (Histor.), Assoc. Professor, Department of History, Bauman Moscow State Technical University. e-mail: logvin-10@mail.ru